

ЧАРЛЬЗ ТИЛЛИ,

профессор Колумбийского университета

Государственное ресурсоизвлечение и демократия¹

Abstract

The author's complex argument is built on two components. First, whether rulers acquire their means of rule by producing those means, buying them with monopolized goods, or extracting them from subject populations deeply affects the character of rule. Second, over the long run democratization only occurs when rulers come to rely on citizen compliance for their means of rule.

The first component implies that students of fiscality could effectively strengthen their theories by considering the whole range of state-sustaining resources before closing in on taxation as a special way of acquiring those resources. The second component implies that students of fiscality are following the spoor of democratization and, for that matter, de-democratization. Thus, we can track down the causes of fundamental changes and variations in political regimes.

Вы, вероятно, не задумывались над тем, что авторитаризм Людовика XIV косвенно проложил дорогу к демократизации и что авторитаризм Владимира Путина точно так же может быть началом пути к демократии. Я должен кое-что прояснить, чтобы обозначить параллели между этими неприкрыто жесткими автократами и, более того, намерен определить их вклад в развитие демократии в отдаленной перспективе. Но это, по крайней мере, должно открыть некоторые многообещающие способы размышления о налогообложении, фискальной социологии и государственном ресурсоизвлечении с более общей точки зрения.

Оправившись от граничащего с распадом положения во Франции времен Фронды (1648–1653) и взяв в 1661 году, при неоценимой поддержке Жана-Батиста Кольбера, власть в свои руки, Людовик XIV полвека посвятил укреплению аппарата центральной власти. Опираясь на административные нововведения некогда первых министров Ришелье и Мазарини, он

---

¹ Доклад на конференции “Funding the State” (Northernwestern University), 4 мая 2007 года.

заменял пользовавшихся широкой автономией региональных губернаторов интендантами, действовавшими по указке короля. Он разгромил, сократил и подчинил себе крупные протестантские анклав, сохранившиеся со времен религиозных войн XVI века. Он приобщил когда-то раздробленное французское дворянство к ритуалам своего пышного двора. Он столь жестоко подавил восстания против государственного — в том числе фискального — вмешательства, что те практически сошли на нет, хотя до 1653 года постоянно сотрясали страну. Хотя они с Кольбером вместо того, чтобы просто повысить уровень налогообложения, широко применяли такие методы, как принудительные займы и продажи должностей, Людовик XIV построил такую фискальную систему, которая приносила доходы, позволявшие вести международные войны доселе невиданной дороговизны и интенсивности.

Политические режимы различаются по многим параметрам: масштабам, богатству, геополитическому положению, формальной структуре и многим другим. Для понимания того, к какому типу принадлежат политические преобразования, начатые Людовиком XIV и Владимиром Путиным, для начала следует обратиться к двум фундаментальным параметрам: демократии и дееспособности государства. Дееспособность государства означает *меру того, насколько вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, виды деятельности и межличностные отношения влияет на существующие распределения этих ресурсов, видов деятельности и межличностных отношений, а также на взаимосвязь между этими распределениями.* (К примеру, управляемое государством перераспределение богатства практически неминуемо приведет не только к перераспределению ресурсов среди населения, но также к изменениям взаимосвязи между географическими распределениями богатства и населения.) При режиме с высоким, согласно этому стандарту, показателем влияния любое действие государственных агентов существенно влияет на ресурсы, деятельность и межличностные отношения граждан. При режиме с низким показателем влияния последствия деятельности государственных агентов очень ограничены, как бы они ни старались изменить положение вещей. Людовик XIV увеличил дееспособность французского государства с жалкого уровня середины XVII века до такого могущества, перед которым ко времени смерти Людовика в 1715 году трепетала вся Европа.

А что с демократией? Можно с уверенностью сказать, что в 1661 году народ Франции имел дело с чем-то вроде демократии в лучшем случае на местном уровне. Будем рассматривать демократию как меру массовости, равенства, обязующей силы и защищенности гласа народа, подчиненного данной государственной власти, в вопросах функционирования государства. Если в государственных вопросах глас народа все в большей мере становится массовым, основанным на равенстве, влиятельным и защищенным от произвола государственных агентов, то имеет место демократизация. Соответственно, дедемократизация означает сужение представительности и неравенство голосов, снижение влияния народа на деятельность государства и/или снижение защищенности этого народного гласа от действий государственных агентов. Согласно этим стандартам, Людовик XIV произвел масштабную дедемократизацию французского режима, при этом колоссально усилив дееспособность своего государства. В двухмерном пространстве, где точка в левом нижнем углу отвечает малодеспособной недемократии, а в правом верхнем — высокодеспособной демократии, график проводимых Людови-

ком преобразований представляет собой линию, идущую вверх по оси влияния и назад по оси демократии и обозначающую движение к высокодееспособной недемократии.

Как же, в таком случае, можно представить Людовика XIV правителем, открывшим путь к демократии? Не является ли данное утверждение противоречивым по сути? Отнюдь, лишь только мы станем различать краткосрочные и долгосрочные преобразования режимов. Ниже я обосную это различие и изложу свою аргументацию. Но сейчас позвольте обратить ваше внимание на четыре момента истории Людовика XIV: 1) укрепление аппарата центральной власти, 2) усиление приоритета государства в доступе к поддерживающим государству ресурсам, таким как налоги, рабочая сила и вооружения, 3) ограничение влияния и силы конкурирующих центров основанной на насилии автономной власти и 4) возрастание зависимости легитимности действий государства от согласия граждан, даже под давлением силы, пусть и вынужденного.

Как же эти четыре момента, в конце концов, приводят к развитию демократии? Ни один режим не может в долгосрочной перспективе поддерживать относительно массовый, основанный на равенстве, обладающий обязующей силой и защищенный глас народа, не имея сильной центральной власти. Это влияние предусматривает приоритет в доступе к поддерживающим государству ресурсам. Существование конкурирующих центров, обладающих автономной, основанной на силе властью, таких как усобные войска или крупные землевладения, препятствует какому бы то ни было развитию демократии в принятии решений. А зависимость от согласия граждан (а не, к примеру, внешних спонсоров или государственной монополии на ценные товары) в повседневной деятельности государства приводит в краткосрочной перспективе к непрерывным торгам (пусть асимметричным) за средства осуществления государственной деятельности. В долгосрочной перспективе это также приводит к, по крайней мере, вероятности возникновения организованного сопротивления.

Теперь понятно, почему авторитарный Владимир Путин может, пусть неосознанно, открыть путь к установлению в отдаленной перспективе демократии в России? Вспомните обстоятельства прихода Путина к власти. Россия уже переживала поворотный, решительный момент демократических надежд. В 1988 году ожидания стремительно нарастали. В то время РСФСР, вне всякого сомнения, все еще доминировала в Советском Союзе, а не существовала в качестве независимого государства. Михаил Горбачев, русский по национальности, Генеральный секретарь ЦК КПСС и (с этого года) Председатель Президиума Верховного Совета СССР, возглавил движение к *гласности* (политической открытости) и *перестройке* (экономическим и политическим преобразованиям). На исторической XIX партконференции, открывшейся в конце июня 1988 года, Горбачев сделал очень оптимистический доклад продолжительностью три с половиной часа.

Бесстрастный "Annual Register" резюмировал речь Горбачева как отрицание сталинизма и призыв построить новое общество с сохранением преимуществ социализма:

"Хотя невозможно детально описать такое общество, социализм такого типа будет системой "истинных ценностей". Целью всего социального развития, от экономики до духовной жизни, будет удовлетворение потребностей народа. Будет динамическая и передовая экономика, постро-

енная на основе различных форм собственности и участия трудящихся, сочетающая центральное планирование в широких масштабах с большой долей автономии для отдельных предприятий. Будут удовлетворены основные потребности всех и каждого, в том числе в здоровье, образовании и жилье, но кроме того способности индивида, насколько возможно, будут поощряться как морально, так и материально. Такое общество будет иметь высокий уровень культуры и морали и будет управляться системой "подлинной и последовательной демократии" (AR USSR, 1988).

Горбачев утверждал, что Советский Союз, и Россия в том числе, становится на путь демократизации. Однако, как отмечает репортер "Annual Register", экономические показатели СССР снижались, а среди нерусских национальностей Союза популярными были призывы к автономии или даже независимости. Несмотря на провозглашение Горбачевым открытости и перестройки, беспрепятственного перехода к демократии в национальном масштабе не произошло.

Девять лет спустя, в 1997 году, когда Советский Союз уже распался, Россия переживала яростную борьбу за политический контроль. Противопоставив попыткам Горбачева сохранить остатки Союза, лидер русского национализма Борис Ельцин в 1991 году пришел к власти. В 1993 году Ельцин упрочил свое положение, подавив правый парламентский путч. Позднее Ельцин победил на президентских выборах 1996 года, но к 1997-му его здоровье уже серьезно пошатнулось, что привело к лихорадочной потасовке за влияние в президентском окружении. В то время "Register" не мог похвастаться хорошими новостями о внутриполитической ситуации в России:

"В 1997 году продолжилась борьба между крупнейшими финансово-промышленными группами страны, охватившая крупнейшие банки, ключевые отрасли экономики, а также газеты и телевизионные станции, находящиеся под их контролем. Общая политическая ситуация отличалась относительной стабильностью, за исключением далеко идущих перестановок в правительстве, имевших место весной. Однако все это происходило на фоне продолжающегося экономического спада и углубления социального неравенства наряду с разгулом организованной преступности и коррупции" (AR Russia, 1997).

В это время практически автономные олигархи получали прибыль от захваченных некогда государственных активов, частные охранные структуры (происходившие по большей части из бывших структур государственной безопасности и расформированных воинских подразделений) наращивали контроль над сферой безопасности, а простые россияне цеплялись за последние островки социалистической структуры социальной защиты [5; 10; 15; 16].

Для неоперившейся российской демократии настали тяжелые времена.

В конце 1999 года слабеющий Ельцин подал в отставку с поста президента, открыв дорогу премьер-министру Владимиру Путину. Путин, кадровый офицер-разведчик, возглавлявший Федеральную Службу Безопасности (посткоммунистическую преемницу КГБ), даже не пытался строить демократию. Более того, во время триумфальной для него избирательной кампании 2000 года он отказался участвовать в дебатах с кандидатами-соперниками. Но в своих публичных заявлениях он настаивал на необходимости восстановления сильного государства и должным образом функционирующего рынка. Он также обещал применить жесткие меры против "исламских фундаменталистов", которые, по его словам, представляют угрозу для Чеч-

ни и других регионов Кавказа. Заняв свой пост, он в скором времени ограничил полномочия региональных губернаторов, тогда же началось давление на СМИ и настойчивое обуздание местных “олигархов” — капиталистов от бизнеса и СМИ, в течение 1990-х годов сделавших миллиарды и получивших исключительную автономию. Путин укреплял дееспособность государства за счет демократии [5].

Продолжалось усиление центральной власти. В 2004 году “Annual Register” писал:

“Россия завершила год, уже находясь на пути к более авторитарному государству, и — вопреки ожиданиям либеральных групп, в большинстве своем оттесненных на обочину российской политики — казалось маловероятным, что страна повторит судьбу соседней Украины и политический истеблишмент отступит перед лицом народной революции. События в России в 2004 году развивались под влиянием двух факторов: действий правительства в ответ на террористические вылазки чеченских сепаратистов за пределы республики, целью самой ужасной из которых стали дети в школе города Беслан в Северной Осетии; и правительственной кампании против “олигархов” с целью восстановить контроль над энергетическими активами, вылившейся в эпопею с “Юкосом”. Население в основном позитивно восприняло кампании против Чечни и против олигархов” (AR Russia, 2004).

Рассмотрим осуществленные по команде правительства Путина арест, обвинение и заключение в тюрьму Михаила Ходорковского, главы крупнейшей частной энергетической компании страны “Юкос”. Это пример проводимой Путиным беспощадной кампании по возвращению контроля над запасами нефти и газа с целью укрепления личной политической власти и устранения необузданных капиталистов-“олигархов”, могущих составить ему политическую оппозицию. Вскоре контролируемая государством энергетическая корпорация стала крупнейшим в мире поставщиком природного газа. Обладая почти четвертью разведанных мировых запасов природного газа, путинская Россия использует сферу энергетики для расширения своего международного влияния. В 2006 году Словакия импортировала из России 100% своего газа, Болгария — 94%, Литва — 84%, Венгрия — 80%, Австрия — 74%, Германия — 40%, Италия — 30%, Франция — 25% [12, с. 61]. Очевидно, что монополизация государством энергетических запасов позволила ему значительно увеличить свое влияние как внутри страны, так и на международной арене.

Влияние внутри страны ощутили на себе граждане России. В 2004 году правительство Путина ужесточило надзор над СМИ, начав преследование ученых и бизнесменов, замеченных в организации политической оппозиции или чем-то не угодивших государственным властям. Например, в апреле 2004 года Московский городской суд приговорил 41-летнего московского ученого Игоря Сулягина к 15 годам тюрьмы за измену Родине и шпионаж. В конце 1990-х годов Сулягин помогал осуществлять оплаченный правительством Канады исследовательский проект, посвященный изучению взаимоотношений между гражданами и военными в 12 странах бывшего СССР и бывшего Варшавского договора, в том числе в России. Сулягин не имел доступа к военным или разведывательным секретам. Работая в Москве в Институте США и Канады (когда-то крупном центре по разработке стратегий *гласности* и *перестройки*), Сулягин организовывал интервью с лидерами 12 стран с использованием стандартизированного исследовате-

льского инструментария. Суд признал его виновным (если верить внешним источникам, несправедливо) в передаче государственных секретов британской и американской разведкам.

В 2005 году правительство Путина приняло несколько законов, направленных на усиление государства. Новыми законами отменялись прямые выборы губернаторов, упразднялась практика голосования на парламентских выборах по единому избирательному округу, ужесточались условия регистрации политических партий и увеличивался проходной барьер для попадания партий в парламент. Правительство начало также рассмотрение законов о радикальном ограничении автономии неправительственных организаций. Организации по правам человека, работающие на Кавказе, подверглись мощному давлению, а Общество русско-чеченской дружбы стало объектом уголовных дел за разжигание расовой ненависти и нарушение налогового законодательства [8, с. 3]. В терминах массовости, равенства, защищенности и обязующей силы народного голоса режим Путина явно демократизировал Россию.

Россия двигалась в сторону демократии с 1985 года, существенно теряя дееспособность государства, затем обратилась вспять и в том, и в другом отношении. Каждый год расположенная в Нью-Йорке организация “Freedom House” использует детальные вопросники для оценки каждого независимого государства мира на предмет соблюдения политических прав и гражданских свобод, причем результаты оцениваются по шкале от 1 (лучший) до 7 (худший). В 1991–1992 годах “Freedom House” ставил России 3 балла и за политические права, и за гражданские свободы — конечно, весьма посредственно, с нашей и “Freedom House” точки зрения, но гораздо лучше, чем 6 по политическим правам и 5 по гражданским свободам в 2005 году [6]. Результаты президентских выборов 2004 года, на которых Путин получил 71,4% голосов, а его ближайший соперник — 13,7%, вычеркнули еще и открытые конкурентные выборы из заявок России насчет признания ее демократичной. В 2005 году, в ответ на подавление в России роптаний со стороны оппозиции, “Freedom House” сменил общую оценку режима с “частично свободный” на “несвободный”.

Рейтинги “Freedom House” фиксируют дедемократизацию России, но упускают из виду траекторию дееспособности государства: высокой в период до горбачевских реформ, снизившейся в годы правления Ельцина, а потом снова исключительно высокой при Путине. Эти две тенденции непосредственно взаимосвязаны; режим Путина агрессивно расширял дееспособность государства, вытесняя демократию. Однако, что удивительно, в каком-то смысле Путин, возможно, способствовал переменам, которые в отдаленной перспективе наконец приведут к демократизации России. Хотя он и предоставил российской армии опасно широкую автономию на Кавказе, он также укротил капиталистов, пользовавшихся беспрецедентной независимостью от государственного контроля. Если в будущем Российское государство снова станет субъектом защищенного, взаимообязующего голоса в диалоге с массами, с относительно равным гражданским населением, мы сможем рассматривать сегодняшнего Путина как автократа, который принял первые недемократические шаги на пути к таким результатам.

Как это возможно? Вспомните четыре элемента правления Людовика XIV: 1) укрепление центральной государственной власти, 2) усиление приоритета государства в доступе к поддерживающим государство ресурсам,

таким как налоги, рабочая сила и вооружение, 3) ограничение влияния и силы конкурирующих центров основанной на насилии автономной власти; 4) возрастание зависимости легитимности действий государства от согласия граждан, пусть под давлением силы, пусть вынужденного. Первые три явно характерны и для путинской России.

Четвертый элемент более сложный и противоречивый. В краткосрочной перспективе Путин уменьшил, а не увеличил зависимость своего государства от согласия граждан благодаря поддерживающим государство ресурсам; пока он контролирует продажу газа и нефти, он может позволить себе игнорировать широкомасштабное уклонение россиян от уплаты налогов и других обязанностей. Более того, ему не нужно считать антирежимные движения, возглавляемые такими персонажами, как чемпион по шахматам Гарри Каспаров, серьезной угрозой своему правлению, как бы они ни противостояли международному имиджу Путина и его призывам к внутреннему порядку. Тем не менее, именно из-за монополизации ключевых энергоресурсов и возникает вопрос о постпутинской ситуации: когда нынешний президент уйдет с российской политической сцены, придет ли ему на смену другая сильная личность или же та самая концентрация государственного контроля над поддерживающими ресурсами поспособствует приходу к власти какой-нибудь более широкой коалиции?

Чтобы поместить эту неожиданную возможность в теоретическую и сравнительную перспективу, потребуется вернуться назад и шире взглянуть на поддерживающие государство ресурсы. Приведу в предельно сжатом виде мои основные аргументы:

1. Никто не может управлять страной без социальных механизмов производства и воспроизводства ресурсов, поддерживающих администрацию, политический контроль и патронаж.
2. Доступные ресурсы различаются в зависимости от экономических обстоятельств. Исторически такими ресурсами могли быть:
  - средства принуждения, в том числе оружие, тюрьмы и специальные организованные силовые структуры;
  - труд, в частности квалифицированный и/или эффективно координируемый;
  - животные, в частности домашние животные как источники еды и/или животные-рабочие;
  - земля, в том числе природные ресурсы в ее недрах и на ее поверхности;
  - институты сохранения приверженности, такие как религиозные секты, системы родства и “торговые диаспоры” (trade diasporas);
  - машины, в частности для переработки сырья, производства товаров и услуг и транспортировки людей, товаров, услуг или информации;
  - финансовый капитал — мобильные и поддающиеся обмену средства приобретения прав собственности;
  - информация, в частности позволяющая совершать выгодные, безопасные или скоординированные действия;
  - средства распространения такой информации;
  - научно-технические знания, в частности позволяющие осуществлять вмешательство — во благо или во зло — в область благосостояния людей.

3. Последние ресурсы из этого списка приобрели значение для поддержания дееспособности государства лишь в последние несколько веков, однако более ранние элементы ни в коей мере не утратили своей роли в большинстве стран современного мира. К примеру, неполный контроль государства над силовыми средствами принуждения, трудом, животными и землей до сих пор остается основой системы правления в крупнейшей демократической стране мира — Индии.
4. Правители, которым не удастся получить воспроизводимый доступ к более поздним ресурсам из приведенного перечня, в конце концов, уступят конкурентам, внутренним или внешним, получившим такой доступ.
5. Правители могут заполучить эти ресурсы тремя основными способами: (а) производить их на собственных предприятиях; (б) захватить их и обменивать на поддерживающие государство ресурсы, например, нефть — на оружие; (в) изымать эти ресурсы у подчиненного населения, уже имеющего и/или производящего их.
6. Варианты (а) и (б) уменьшают зависимость правителей от согласия граждан и стремление к торгам с гражданским населением, препятствуя, таким образом, демократизации, понимаемой как массовость, равенство, защищенность и обязующая сила голоса народа. Хотя вариант (в) также ни в коей мере не гарантирует демократизации; он открывает возможный путь к ней.
7. В историческом плане происходившая в течение последних двухсот лет (особенно явно — в сфере налогообложения) демократизация мира частично проистекала из варианта (в), тогда как (а) и (б) по большей части демократизацию тормозили.
8. Тем не менее если в результате смены власти (например, вследствие революции или завоевания) схема (а) или (б) становится объектом народного коллективного контроля, этот переход также открывает путь к демократизации.

Вернемся к списку возможных поддерживающих государство ресурсов в нынешних экономических обстоятельствах: средства принуждения, труд, земля и т. д. При анализе государственного строя обычно полагают — и, как мне кажется, правильно — что распределение, собственность и относительное преобладание этих ресурсов в государственной модели серьезно ограничивает набор форм власти, которые могут построить правители.

Империи, например, обычно зависят от аграрных экономик и черпают средства правления не путем непосредственного управления этими экономиками, а через некую комбинацию поддержки со стороны местных магнатов и дани, взимаемой с уязвимых соседних народов. Империи монголов поддерживали себя главным образом за счет дани, изымаемой посредством грубой силы, однако их выживание зависело от доступа к аграрным народам, облагаемым данью. На уровне ниже провинции даже могущественная Китайская империя (которая, между прочим, на протяжении нескольких веков платила дань монголам) на всей своей территории опиралась на договоренности между немногочисленной бюрократией и землевладельцами.

Города-государства, напротив, обычно черпали большую часть поддерживающих ресурсов из финансового капитала, накопленного в результате завоеваний и торговли, одновременно день за днем используя трудовые ресурсы местных рабов и слуг, а также крестьян с прилегающих зависимых

территорий; кроме того, такие необходимые ресурсы, как оружие и войско, они покупали в других местах. Хотя итальянские города-государства вступили во второе тысячелетие, совмещая торговлю и прямой грабеж в отношениях со странами Средиземноморья и Ближнего Востока, примерно с 1400 года они опирались на вооруженные силы в виде отрядов ополченцев и наемников, финансируемых за счет эксплуатации подчиненного населения и доходов олигархов от торговли. Таким образом, простой перечень поддерживающих государство ресурсов уже довольно близко подводит нас к систематической дифференциации режимов правления.

Ресурсы, следующие далее по списку, такие как машины, финансовый капитал, информация, средства передачи информации и научно-технические знания, приобрели все большую роль по мере роста мирового богатства. И если утверждение, что в качестве основы государственной власти научно-технические знания могут поспорить с финансовым капиталом, кажется вам притянутым за уши, обратите внимание, как в Катаре, эмирате на побережье Персидского залива, распоряжаются доходами от эксплуатации огромных, но исчерпаемых запасов природного газа. Эмир, Шейх Хамад бин Халифа Аль-Тани, инвестирует миллиарды в науку, образование и исследования, планируя превратить Катар в исследовательский центр для всего Ближнего Востока.

Жена эмира, принцесса Моза бинт Насер аль-Миснад, руководит Фондом образования, науки и общественного развития Катара (the Qatar Foundation for Education, Science, and Community Development), капитал которого исчисляется миллиардами. Она направила всю прибыль от целой нефтяной скважины, около \$80 млн в год, на нужды фонда научных исследований. В стране с населением 800 тыс. человек 500 студентов новосозданного университета, Образовательного городка, имеют все шансы стать национальной элитой [13]. Если программа эмира завершится успешно, на смену контролю над землей (и, в данном случае, над ископаемым топливом под ней) как основе основ государственной власти Катара вполне может прийти контроль над научно-техническими знаниями.

Вспомните, какие варианты получения поддерживающих государство ресурсов есть у правителей: (а) производить их на собственных предприятиях, (б) захватить их и обменивать на поддерживающие государство ресурсы, например, нефть — на оружие, (в) извлекать ресурсы у подчиненного населения, которое уже имеет и/или производит их. Катар и подобные ему богатые на энергоносители государства в основном полагаются на вариант (б), приобретая поддерживающие государство ресурсы за счет продажи продукции монополий на ценные товары. Интересно будет наблюдать, как и насколько по мере исчерпания их энергетических ресурсов они будут склоняться к вариантам (а) и (в).

Налогообложение следует из варианта (в). Государственное налогообложение ставит перед политическими аналитиками много острых вопросов, поскольку в целом налогоплательщики мало что получают взамен своих выплат. Они могут не получать вообще ничего или же получать небольшую долю коллективного достояния. Зачем же им вообще что-то платить [7; 11]? Однако государства часто развивались за счет взимания налогов будь то под давлением силы или нет [1; 3; 4; 9; 14, гл. 3; 17]. Взимая налоги, они зачастую тем самым запускали циклы вторжения, сопротивления, репрессий и договоренностей: государственные агенты требуют выплат, граждане сопротив-

ляются, правительство применяет вооруженные силы и в процессе подавления сопротивления одних предводителей убивает, других подкупает, находя оправдание этим вторжениям, устанавливающим правила для законных вторжений в дальнейшем — короче говоря, применяя репрессии в сочетании с договоренностями.

Циклы “вторжение—сопротивление—репрессии—договоренности” колеблются от мелкомасштабного сопротивления до массового восстания. Великая французская революция 1789–1799 годов, наряду с прочим, являла собой именно такой цикл. Он завершился политической реакцией, но вместе с тем и режимом, значительно более зависимым от согласия граждан, чем это можно было себе представить 80 годами ранее, на исходе правления Людовика XIV.

Циклы “вторжение—сопротивление—репрессии—договоренности” заставляют государства платить скрытую политическую цену: хотя они обычно увеличивают приток ресурсов в распоряжение государства, они также делают государство зависимым от этих потоков и определяют сроки следующего раунда изъятия. И в том, и в другом отношении они подчиняют государства публичной политике и усиливают влияние населения на публичную политику. Хотя в краткосрочной перспективе они обычно не стимулируют демократические обсуждения, они же создают условия для демократизации в долгосрочной перспективе. Как мы уже убедились на примере Людовика XIV, сдвиг государства в сторону зависимости от согласия граждан на продолжение государственного ресурсодобывания увеличивает склонность режима к чередованию демократизации и дедемократизации. Циклы “вторжение—сопротивление—репрессии—договоренности” заставляют режимы превысить порог этой склонности.

Такие циклы продолжают в современном Китае. Томас Бернстайн и Сяобо Люй исследовали сопротивление крестьян Китая налогообложению в 1990-х годах и его результаты. Хотя правительство скрывает такие события, Бернстайн и Люй собрали многочисленные свидетельства растущего сопротивления налоговому и тарифному произволу. Более того, иногда крестьяне достигали успеха, вынуждали местные власти пойти на уступки, привлекали внимание высокопоставленных чиновников к царящему на местном уровне произволу и на переговорах добивались пересмотра условий дальнейшего государственного ресурсодобывания.

В череде восстаний в районе Женьшун провинции Сычуань в 1992 и 1993 годах можно усматривать такого рода цикл “вторжение—сопротивление—репрессии—договоренности”. В этом районе, несмотря на начало государственной кампании по “снижению бремени”, местные власти продолжали требовать от крестьянских хозяйств уплаты непосильных налогов и заставляли трудиться на строительстве дорог. Не получив работников или денег, власти на местах отбирали у крестьян все имущество — будь то телевизоры, зерно или свиньи. Однако местные жители под предводительством крестьянина Чжана Дэаня начали борьбу. Прокурор района пытался добиться ареста Чжана за уклонение от уплаты налогов, однако “когда от семи до восьми сотен крестьян, вооруженных сельхозорудиями и коромыслами, собрались в городке Сеань, Чжан привселюдно порвал ордер на арест. Они прогнали приехавших произвести арест полицейских и сожгли полицейскую машину. В январе и феврале по Сеаню прокатилась волна насилия. Магазины были закрыты, а работа администрации парализована. Говорили, что сотни крестьян принимали участие в “партизанской войне” метатель-

ных камней. Фермеры дошли до столицы района и вторглись на территорию административного квартала, громко требуя справедливости.

“Эти народные волнения вынудили руководителей партии и администрации провинции Сычуань направить в феврале в Женьшу рабочую группу. Учитывая повсеместное недовольство по поводу неподъемных поборов, официальные лица провинции и района Женьшу “подтвердили, что у Чжана Дэаня были основания публично заявлять о политике облегчения бремени для крестьян и призывать людей отказываться платить излишние подати” [2, с. 132–133].

Но чиновники и дальше сопротивлялись, и протесты в Женьшу продолжались. Однако к 1994 году и местные, и центральные власти явно пошли на уступки. Нападавшие на чиновников и полицейских крестьяне были выпущены на свободу, многие должностные лица — уволены, а из бюджета провинции выделялись средства на строительство локальных автострад [2, с. 136].

Прошу понять меня правильно: события в Женьшу отнюдь не свидетельствуют о том, что в 1990-х годах Китай стремительно демократизировался, и уж тем более — о том, что китайское государство рушилось. Однако, получив широкий резонанс в качестве модели переговоров между государством и гражданином, они запустили механизм подчинения государства публичной политике и, в некоторой степени, упрочили влияние народа на публичную политику. В этом случае важнейшим механизмом был цикл “вторжение–сопротивление–репрессии–договоренность”. Накопление таких конфронтаций и развязок расчищает путь для демократизации. Чем больше в Китае возникает подобных Женьшу циклов, тем ближе режим к массовым, равноправным, защищенным, взаимобязующим консультациям между государством и гражданином, то есть к демократии.

С падением государственного социализма за пределами Китая и Северной Кореей государства, получавшие обеспечивавшие себе необходимые ресурсы, самостоятельно производя их, практически исчезли. За исключением того, что касается вооруженных сил, Китай также стремительно отходит от какого-либо подобия экономической автономии. Однако вторая стратегия поддержания государства — обмен товаров и услуг, производство которых монопольно контролируется государством — выжила и даже процветает. Мы уже видели, как Владимир Путин пошел по этому пути, восстановив государственный контроль над производством нефти и газа, которое в 1990-х годах по большей части перешло в частные руки. В обстановке казавшегося неминуемым распада Российского государства стратегия Путина позволила ему подавить местную политическую оппозицию, одновременно вернув России статус мировой сверхдержавы.

В это же время страны, богатые на энергоносители, могли обходиться без договоренностей с гражданами благодаря полному контролю над энергоносителями (зачастую совместно с иностранными капиталистами), продаже их на международных рынках, приобретению средств силового принуждения на других международных рынках, а за счет прибыли платили за поддержку со стороны своих местных сторонников. Президент Венесуэлы Уго Чавес, несмотря на все популистские жесты, исключительно эффективно использовал доходы от продажи нефти, избавив себя от необходимости искать одобрения со стороны граждан. Мы можем наблюдать применение схожих стратегий во многих так называемых государствах-рантье, таких как Алжир, Саудовская Аравия, Бирма и (как мне кажется) Иран.

Фактически моя аргументация в целом опирается на два простых утверждения. Во-первых, то, каким именно образом правители получают в свое распоряжение средства правления, — путем приобретения за счет продажи монополизированных товаров или же изъятия у подчиненного населения, — существенно влияет на характер правления. Во-вторых, демократизация в долгосрочной перспективе развивается только тогда, когда правители начинают полагаться на гражданское согласие в качестве средства правления.

Из первого утверждения следует, что исследователи фискальной системы могут усилить свои теории, если будут рассматривать весь спектр поддерживающих государство ресурсов, прежде чем приступить к изучению налогообложения как особого, причем весьма условного, способа получения доступа к этим ресурсам. Из второго утверждения следует, что исследователи фискальной системы могут напасть на след демократизации или, на тех же основаниях, дедемократизации. Обобщив первое и второе, мы можем проследить причины фундаментальных изменений и колебаний в политических режимах.

Литература

1. *Ardant G.* Histoire de l'impôt : 2 vols. — P., 1971; 1972.
2. *Bernstein Th.P., Lü X.* Taxation without Representation in Contemporary Rural China. — Cambridge, 2002.
3. *Brewer J.* The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783. — N.Y., 1989.
4. *Daunton M.* Trusting Leviathan. The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914. — Cambridge, 2001.
5. *Fish M.St.* Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. — Cambridge, 2005.
6. Freedom in the World 2006. Selected Data from Freedom House's Annual Global Survey of Political Rights and Civil Liberties. — www.freedomhouse.org/template.cfm?page=5, viewed 11 March 2006.
7. *Herzog D.* Happy Slaves: A Critique of Consent Theory. — Chicago, 1989.
8. Human Rights Watch: "Overview of Human Rights Issues in Russia". — www.hrw.org/english/docs/2006/01/18/russia2218.htm.
9. *Kozub R.* Evolution of Taxation in England, 1700–1850: A Period of War and Industrialization // Journal of European Economic History. — 2003. — 32. — P. 363–390.
10. *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours. Blat, Networking, and Informal Exchange. — Cambridge, 1998.
11. *Levi M.* Of Rule and Revenue. — Berkeley, 1988.
12. *Schmitt G.* Natural Gas. The Next Energy Crisis? // Issues in Science and Technology. — 2006. — Summer. — P. 59–64.
13. Qatar Taps Wells of Knowledge // Science. — 2006. — 312 (7 April). — P. 46–47.
14. *Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, 990–1992. — Oxford, 1992.
15. *Varese F.* The Russian Mafia. Private Protection in a New Market Economy. — Oxford, 2001.
16. *Volkov V.* The Monopoly of Force. Violent Entrepreneurs in Russia's Emerging Markets. — Ithaca, 2002.
17. *Webber C., Wildavsky A.* A History of Taxation and Expenditure in the Western World. — N.Y., 1986.

*Перевод с английского Дмитрия Гломозды
Научный редактор перевода Павел Кутуев*